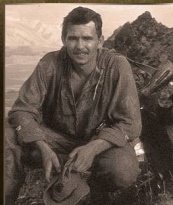

Андрей ДЫШЕВ

ВОЕННАЯ ДРАМА

**КОМАНДИР
РАЗВЕДРОТЫ**

Андрей Михайлович Дышев

Командир разведроты

Серия «Военная драма»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176569
А. Дышев. Командир разведроты: Эксмо;*

Аннотация

Война не только убивает и калечит. Она переделывает солдат и офицеров под себя, закаляет их волю, притупляет чувство страха и, напротив, обостряет до предела дремлющий где-то в генах инстинкт самосохранения. И после первого боя многих бойцов просто не узнать. Они превращаются в опасных, чутких, настороженных и готовых к смертельной схватке хищников... Так война выковывает бойцовский характер. Иначе нельзя. Или ты выживешь, или тебе суждено сложить голову.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Дышев

Командир разведроты

Андрей Дышев

* * *

Глава 1

Земля встала на дыбы, быстро вращаясь перед моими глазами. Кишлаки, бесцветная лента реки, желто-бурые пятнистые поля все это закачалось, закружилось, понеслось куда-то, опрокидывая меня вниз головой.

Тяжелый транспортный «Ил» стремительно спускался вниз, а под крыльями плыла залитая солнцем чужая, неведомая мне земля.

Рядом со мной проснулся, заморгал красными глазами молодой прапорщик, поднял с пола упавшую фуражку и посмотрел в иллюминатор.

– Кабул, – сказал он, мощно зевая.

Чемоданы и сумки, выставленные ряд посреди салона, одновременно закачались туда сюда, как гребцы я лодке, и рухнули на бок. Я машинально потянулся за своим чемоданом, но как раз в ту минуту самолет накренился еще сильнее. Я едва устоял на ногах. Сидящий напротив пожилой майор успел вовремя схватить меня за руку.

– Елки-моталки... Не ушиблись? А то, знаете, как тут можно?..

Он вытащил помятый платок, стал вытирать лоб, шею. Руки его дрожали.

Гул двигателей стал стихать, вибрация прекратилась, и казалось, самолет недвижимо повис над землей. Я посмотрел

в иллюминатор. Мимо нас проносились серые ангары, автомобили, голубые фанерные домики, вертолеты с обвислыми, будто вымокшими под дождем лопастями.

Я выходил из самолета предпоследним, щурясь от нестерпимо яркого света и ощущая на лице раскаленный поток воздуха, хлынувший в промерзший за время полета салон. В сравнении с моим, чемодан майора был раза в три тяжелее, и я, волоча его к выходу, представлял, как несколько дней назад заботливая майорова жена укладывала в него шерстяные носки, теплое нательное белье, домашние тапочки, пижаму и прочие мелочи, без которых в возрасте моего попутчика уже трудно обойтись.

Нас встречали. По обе стороны от трапа стояли люди в выгоревшей полевой форме. Они без всякого любопытства смотрели, как мы спускаемся, лишь огромная овчарка на поводке проявляла эмоции, дергалась, подскакивала, поскуливала, срываясь на негромкий лай.

Когда салон самолета опустел, один из встречающих, видимо, комендант, объявил в мегафон:

– Отпускникам строиться слева от меня, заменщикам – справа!

Майор толкнул меня в спину и потянул за рукав. Мы стали рядом во второй шеренге.

– А куда тебе, браток, дальше-то ехать? – спросил меня майор.

Я пожал плечами, ответив, что знаю лишь номер полевой

почты.

– А по должности кто?

– Командир роты.

– Ясно. Воевать, значит, будешь? А я редактор газеты...

Комендант шел вдоль строя, проверяя предписания. Поравнявшись со мной, он долго изучал мои документы, потом поднял глаза, внимательно рассматривая меня. Наконец сказал:

– Вы, если хотите, можете сейчас представиться своему комбату. Петровский у командира дивизии, там у них неприязнь, разбираются... Если вещей немного, идите по этой дороге, и слева, за поворотом, найдете часть. Автобус не скоро подойдет.

Группа прибывших постепенно расходилась. Часть их увез оранжевый автобус со странной табличкой «Смоленск» на стекле, другие строем направились на пересыльный пункт. Скоро я остался один у пустого самолета.

Вот так началась моя служба в Афганистане.

Разведбат, действительно был недалеко. Минут через сорок я уже сидел на чемодане около штаба в тени масксети и раздумывал, ждать мне майора Петровского или же, как мне советовали, идти «забивать» койку в местном общежитии, потому как под вечер мест там может не быть.

Через час майор объявился. Он был почти на полголовы выше меня. Широкоплечий и немного сутулый, он быстро шел по коридору, заложив руки за спину. За ним, едва по-

спевая, семенил смуглый прапорщик, что-то негромко объяснял, размахивая руками. Не обратив на меня внимания, майор крепко толкнул плечом дверь кабинета.

– Детский сад! – прогремел он, шумно сел за стол, закурил, расплющив зубами фильтр сигареты.

– Достаточно было взять в рейс любого сержанта! Максимов, это же так просто!

– Все сержанты были на сопровождении, – осторожно возразил прапорщик, но майор не стал его слушать.

– Довольно! Хватит рассказывать мне сказки! – Он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и уже тише добавил: – Зла на вас не хватает...

Прапорщик, не рискуя снова вызвать гнев майора, молчал, покусывая кончики реденьких рыжих усов. Петровский, глядя сквозь меня, угрюмо произнес:

– Три дня нет выстрелов, и уже готовы в одних трусах по горам ползать... О-ох, тошно!

Он швырнул окурок в пустую консервную банку и стал массировать ладонями свою багровую крепкую шею.

Прапорщик тенью приблизился к майору и положил на стол чьи-то документы.

– Что это?

– Колчанский, Волков и Саетгораев, – одними губами ответил прапорщик.

– Вот, – мрачно сказал майор, близко-близко разглядывая фотографию на одном из военных билетов. – Вот к чему

приводит наша доверчивость... Начинка для гроба!..

Прапорщик, опустив голову, молчал. Петровский сложил документы на краю стола и, наконец, обратил на меня внимание.

– А это кто у нас такой?

Я представился.

– Ясно, ответил Петровский и с тоской посмотрел на мои запыленные ботинки. – Тоже хочешь стать героем? Станешь...

Минуты две он стоял ко мне спиной, о чем-то думал, глядя в, грязное окошко.

Потом повернулся, стал ходить туда-сюда, массируя шею.

– Ты меняешь Оборина, третья рота. Наша, так сказать, «курортная зона»... Да, время летит, успевай только встречать и провожать. Вся жизнь так, наверное, пройдет: привет-прощай. – Он замер и целую минуту молча смотрел а одну точку. Да, вся жизнь так может пройти... Эх, Оборин, Оборин! Жаль...

Он опять сел за стол, взял документы, потряс ими в воздухе.

– Видишь, какие у нас тут дела творятся? Эти brave ребята поехали в карьер за песком. Есть тут недалеко такой, минут тридцать езды. В полуголом виде, ни одного автомата, ни одной гранаты – будто где-то под Одессой. И что же? Плохо знали дорогу, заблудились. Вот и не стало красивых парней. Вспороли животы, отрезали головы... Понимаешь, о

чем я говорю? Здесь всегда надо чувствовать пальцем спусковой крючок, а не обниматься с главарями банд, как некоторые слишком добренькие товарищи...

Петровский посмотрел на часы.

– Третья рота стоит на охране трассы. Через полчаса на север пойдет колонна, я советую тебе сегодня же отправиться в роту. Принимай должность, изучай, так сказать, быт и нравы – он тяжело вздохнул. – Все, прости великодушно, больше у меня нет времени. Послезавтра я подъеду, тогда и поговорим обо всем... Ну, будь здоров!

Он встал из-за стола, пожал мне руку, но не отпустил, будто еще о чем-то вспомнив.

– Да-а-а, – протянул он, глядя на меня с прищуром. – Есть один нюанс... Э-э, Макаров, не в службу, а в дружбу, узнай у дежурного, когда отправится колонна?

Когда прапорщик вышел, Петровский жестом показал мне на дверь, чтобы я плотнее прикрыл ее, и сказал:

– Сядь-ка на минуту.

Одной рукой он обхватил свой массивный подбородок, другой стал терзать карандаш, словно хотел проверить его на прочность.

Пауза затянулась.

– Понимаешь, – наконец сказал он, уткнувшись взглядом в перекидной календарь. – Пашу Оборина, которого ты меняешь, я знаю давно. Одно училище заканчивали... Парень он неглупый, красный диплом имеет. Детдомовец, характер

волевой, даст слово – помрет, но выполнит. Одно только плохо – иногда увлекается сомнительными авантюрами. И понимаешь, упрямый, черт, никак не переубедишь его, стоит на своем – и баста! Приходилось мне и служебную власть использовать, хоть мы и однокашники с ним. Я все могу понять и все простить, но какую-то телячью доброту? Малодушие? Очень дорого за это платить приходится!

Он кинул на край стола документы погибших солдат.

– В общем, советую тебе не очень-то близко принимать к сердцу его рассказы, особенно о переговорах с душманами. Постарайся быть жестче, злее, что ли? И никакого панибратства. Убивай «духов» днем и ночью, и чем больше, чем лучше.

Он хотел еще что-то добавить, но дверь распахнулась, и в кабинет вошел прапорщик, а следом за ним высокий, румяный, как с мороза, и обросший рыжей щетиной капитан.

– Рад тебя видеть, Блинов! – сказал комбат, поднимаясь со стула и пожимая капитану руку. – Возвращаешься с сопровождения?

– Возвращаюсь, Сергей Николаевич, – ответил капитан, широко улыбаясь, сел, точнее, грохнулся рядом со мной на стул и стащил с головы измятую панаму.

– Загорел, морду отъел до спелого треска.

– Как же, отъешь тут, – махнул рукой Блинов. – Вчера под Салангом ночевали... Всю ночь какой-то мудака по нас из ДШК стрелял. Выстрелит – и тут же сменит позицию. Так

мы его и не вычислили... Ну а как вы живы-здоровы?

– Как всегда – между плохо и очень плохо. Вот, кстати, заменик к Оборину приехал.

– Пашка, значит, Афгану низко кланяется?

Блинов повернулся ко мне, крепко пожал руку.

– Подбросишь его к озеру? – спросил комбат.

– Подброшу, – ответил Блинов. – Какой разговор! Замена – святое дело.

– И расскажешь заодно, откуда иногда вылетают пули, и в каких ямах на дороге припрятаны фугасы. Ты у нас человек опытный.

– Добро, Сергей Николаевич!

Мы оба встали. Комбат провожал меня долгим взглядом.

Глава 2

Нет, совсем не таким представлял я себе Афганистан. Все оказалось как-то слишком просто и жестоко.

Мы ехали, сиди на броне боевой машины пехоты с капитаном Блиновым, этим улыбчивым парнем, обросшим недельной щетиной, в большом, не по размеру бушлате, и я смотрел на все то, что окружало, не понимая, во сне это или наяву. Нависшие над самой дорогой голые, изломанные скалы. Рев техники, отдающийся эхом. Приподнятые стволы пушек и пулеметов... Блинов мерз, ежился, но улыбался. Казалось, он радуется тому, что холодно, что навстречу нам дует пронзительный ветер, что от солярной гари слезятся глаза, и энергично двигал плечами, крутил головой, натягивал панаму на самый лоб.

– «Духи» как черти злые, не дают спокойно жить, – кричал он, наклоняясь ко мне. – Одно утешенье замена скоро. Эх, дружище, ты даже не представляешь, как это хорошо – замена!

Я действительно не представлял, что это такое. Я не знал, какой жизнью жил этот капитан до встречи со мной и что ему довелось испытать. Но что-то подкупающее было в его скуластом обветренном лице, усталых, но уверенных движениях. Он напомнил мне тех бородатых молодых ребят, снимки которых поместили многие газеты – измученных и счастливых

на снегу вершины Эвереста, первых советских альпинистов, покоривших высочайшую вершину Земли. Я посматривал на Блинова и с удивлением отмечал, что после двух лет рискованной службы со стрельбой, пороховой гарью, бессонными ночами, наконец, с потерями, он мог так просто и чисто радоваться жизни – даже тому, что его утомляет, знобит, угрожает опасностью. Мне это нравилось, хотя и было еще непонятно.

По разбитой гусеницами асфальтированной дороге мы поднимались все выше и выше в горы. Скоро и я стал мерзнуть. Блинов, видимо, угадал это по моему лицу, склонился над люком и крикнул:

– Кирюш, подай-ка нам бушлатик!

Я надел поверх кителя засаленный солдатский бушлат, еще не чувствуя тепла, но уже забыв о холоде, и подумал о том, что, к сожалению, не сумею познакомиться ближе с этим капитаном. Два, три часа от силы, и наши пути-дороги разойдутся, и кто знает, встретимся ли мы когда-нибудь снова. Трудно было сказать, чем пришелся мне по душе этот офицер, но я неожиданно поймал себя на мысли, точнее, на каком-то прозрачном желании быть похожим на Блинова.

– Стреляют здесь часто? – спросил я.

– Здесь нечасто. Последний раз – в мае – сожгли колонну афганских наливников. А вот дальше, километров через десять, будет Черная Щель. Там да, место удобное.

– Как это понять? – спросил я.

– Ну, для засады удобное. В начале лета дня не было, чтобы кого-нибудь не обстреляли... Главное быстро ее проскочить, а дальше, в зоне Оборина, хоть с девушкой под ручку гуляй.

Я спросил, почему не стреляют в зоне Оборина.

Блинов усмехнулся, показывая свои великолепные белые зубы, и как-то странно весело ответил:

– А его душманы любят!

Он опять поежился, поднял воротник и, сунув руку в карман, вытащил оттуда местами поржавевший старинный кинжал. Я думал, что Блинов сейчас начнет хвастать трофеем, но он протянул оружие мне.

– Возьми себе на память. Мне все равно домой скоро, а через границу эту херню не провезешь.

Я долго рассматривал кинжал, потом затолкал его поглубже, во внутренний карман. Действительно, херня. Для чего он мне? Разве что хлеб резать?

Где-то уже недалеко находилась «курортная зона» Оборина. Но то, что было сейчас перед моими глазами, никак не вязалось с рассказом о ней. Я уже знал от Блинова, что третья рота, теперь, значит, моя, живет на зависть другим в настоящем кемпинге у самой дороги, построенном еще при короле то ли западногерманской, то ли швейцарской фирмой. Там, у отвесных скал, в прохладе зелени и озерца редкой красоты со студеной родниковой водой проводили уик-энд вельможи, богатые торговцы и прочая знать. На песчаном пляже в

ярких шезлонгах загорали красивые женщины, наслаждаясь покоем, солнцем и целебным воздухом. Официанты подносили шампанское, джюс и колу со льдом...

Однообразие дороги мне уже порядком надоело. За каждым поворотом открывался все тот же дикий пейзаж. И тепло, хорошо хранившееся под бушлатом, мерный гул боевой машины незаметно и предательски убаюкивали меня. Время от времени я расправлял плечи, осматривался, кидал взгляд на спокойное лицо Блинова и снова закрывал глаза, о чем-то задумывался, но путался в мыслях, оборванных, перемешанных фразах, видениях и чувствах. И вздрагивал всякий раз, касаясь плеча Блинова...

Качнувшись, БМП остановилась. Я тряхнул головой и огляделся вокруг. Колонна стояла на узкой обочине, почти прижавшись к отвесной скале. Вдоль нее, запрудив всю проезжую часть дороги, вытянулся длинный караван афганских «наливников». Водители сидели на корточках у самых колес машин. За изгибом дороги чадил горящий бензопровод, а с почерневших, закопченных гор, сдавивших дорогу как в тисках, раздавались хлопки выстрелов. Черная Щель!

Я спрыгнул на асфальт и пошел к голове колонны. Вдоль машин с подчеркнутой невозмутимостью расхаживали солдаты, держа автоматы стволами вниз, сплевывали, курили и сквернословили в адрес «оборзевших душков». Молодой прапорщик в шлемофоне, сдвинутом на затылок, размахивал руками, словно дирижировал оркестром, и что-то орал

властным тоном, хотя разобрать, что именно, было невозможно. Блинов быстро шел мне навстречу вместе с сухощавым хмурым подполковником, что-то объяснял ему, ударяя ребром ладони по руке. Подполковник, словно стыдясь своего высокого роста, шел пригнувшись и крутил во все стороны головой.

– Сейчас поедem! – бросил мне на ходу Блинов. – Далеко не уходи.

Я встал рядом с группой офицеров, которые под прикрытием брони громко и оживленно разговаривали, смеялись, травили анекдоты, беспрерывно курили и подшучивали над розовощеким толстяком в маскхалате, который стоял на башне БМП, обхватив обеими руками мощный казенник крупнокалиберного пулемета.

– Бача-а-а! – кричал он и, прислушиваясь к отдаленному эху в горах, открывал огонь короткими тяжелыми очередями.

– Ты их спроси: сала свиного хотите? Когда крикнут «Не-ет», тогда и стреляй! – советовали толстяку.

– Бача-а-а!!!

– Ген, остается штаны снять и повернуться...

– Бача-а-а! Это я, Геннадий Стрельцов!

И снова короткая мощная очередь.

А водителям «наливников» было не до шуток. Усталые, обреченно-смирненные, они сидели на земле уже, наверное, не меньше часа, глядя с суеверным страхом и надеждой на

кошунственно-веселых светлолицых людей в военной форме. Смотрели они и на меня, но хоть убейте, я не знал, чем мог быть им полезен в те минуты и вообще, что здесь произошло. Приставать с расспросами к Блинову мне не хотелось – ему было не до меня. Поговорить с солдатами?

Из подчиненных Блинова я запомнил только одного – солдата по имени Кирюша с совершенно невоенной фамилией Тетка. Он, как и многие его товарищи, расхаживал вдоль колонны, молодцевато покачивая плечами, не поворачивая головы, искоса, со снисхождением покровителя поглядывал на афганцев. Шлемофон, разумеется, сдвинут на затылок – черт знает, как он там держится! – короткий, похожий на щетку чуб, редкие желтенькие усики и папиросина в зубах. Одним словом, Вася Теркин восьмидесятых годов. Уж это-то должен знать все!

Я попросил у солдата спички, закурил и, как бы, между прочим, спросил:

– Ну что, сейчас поедем?

– Да-а-а, – с небрежностью бывалого воина протянул он, глубоко затягиваясь, и тихо спросил: – А вы не в курсе, че там такое?

Эх, тоже мне Теркин!

– Засада! – предположил я.

Кирюша мгновенно оценил ситуацию.

– Они в этом месте все время стреляют, – сказал он мрачно. – Одно слово – Черная Щель! Не слышали? Гроб с крыш-

кой и чертик на крестике! Недавно афганский полчок и две наших роты здесь порядок наводили, мочили их, будь здоров! Не-е, без авиации здесь делать нечего. Если «наливники» пустить вперед, то от них одни уши останутся. «Душки» любят «наливники» жечь, – деловито продолжал Тетка. – Вы еще не видели, как они горят? Жуть! Пламя метров на тридцать поднимается. А может, и больше. В ста шагах от горящего «наливника» не выстоите... Пойдемте, товарищ старший лейтенант, кажется, по машинам объявили...

Блинов последним запрыгнул на броню, сел, свесив ноги в люк, рванул затвор автомата, надел шлемофон и, подтягивая ларинги, крикнул солдатам:

– К бою, ребятки! Ощетинились!

И я увидел тогда, как напряглись всем телом солдаты, сидящие на броне, как «ощетинились» они стволами автоматов, подняв их вверх, как изменились, посуровели их глаза, много раз видевшие то, что сейчас мне предстояло увидеть впервые. Я вцепился руками в крышку люка, стиснув ее так, что побелели пальцы.

Боевая машина с оглушительным ревом понеслась вперед. Я в последний раз бросил взгляд на серые «наливники», на водителей, сидящих за колесами... Афганцы смотрели на нас, как на богов.

– Полезай в люк! – крикнул мне Блинов и откинулся назад, почти лег спиной на броню, выставив ствол автомата вверх. – Ближе к стеночке! Скорость до полика, до полика!

Стеночки держись!

Я сначала не понял, кому он кричал последние слова. Боевая машина вильнула корпусом, съехала с асфальта и помчалась по обочине, почти касаясь гранитной стены.

Потом я уже не различал слов Блинова. Казалось, воздух ожил, задрожал от чудовищного грохота автоматов и пулеметов, вытянулся в стальную струну и лопнул. И краем глаза, нечетко, я увидел вокруг себя солдат – одинаковых до неузнаваемости, застывших в одной позе, лежащих спиной на броне с вытянутыми вверх стволами автоматов.

Надо мной склонилось огромное, молочно-белое лицо Тетки.

– Патроны! Дайте коробку с патронами!

Я провалился вниз, ударившись локтем о металлический угол перископа. Мне показалось, что я предательски медленно двигался, а руки мои онемели. «Спокойно! – сказал я сам себе. – Это всего лишь учения, рота сдает проверку московской комиссии».

Это нелепое самовнушение, внезапно пришедшее в голову, как ни странно, помогло.

Я схватил коробку, путаясь в ленте, и почти бросил ее в протянутые ко мне руки. Тетка исчез в проеме люка, исполосованном малиновыми нитями трассеров, с качающимися и бешено кружающимися скалами. Я что-то продолжал искать в утробной темноте машины, меня кидало из стороны в сторону, я падал на колени, валился на бок, откидывая в сто-

рону бушлаты, фляги, коробки, и не мог найти что-то очень нужное сейчас. Машинально я схватился за ноги Блинова, пляшущие на спинке сиденья, как поршни гигантского механизма. Он, не думая обо мне, забыв о моем существовании, сильно дернул ногой, ударив меня ботинком по лицу.

– Автома-а-ат! дайте автомат! – крикнул я неизвестно кому, поняв вдруг, чего мне так не хватало сейчас.

Я поднялся над люком и лег грудью на броню. Справа от БМП, в каких-нибудь двух метрах, мчалась грузовая машина с размалеванными высокими бортами. Блинов, ухватившись одной рукой за крышку люка, бил прикладом автомата по кабине грузовика.

– Назад! Наза-а-ад! – кричал он.

Я на мгновение увидел лицо водителя, его оскаленные, стиснутые зубы, мокрые полосы на щеках, обезумевшие, нечеловеческие глаза и крикнул Блинову в ухо:

– Дай мне автомат!

– Прижми его к скале! Обгоняй, мать твою! – визжал худой солдат и, лежа на боку, стрелял вверх кабины длинными очередями.

Грузовик подскакивал на ухабах, гремел, скрежетал кузовом и выл мотором на одной истерической ноте. БМП дернулась вправо. Раздался удар, глухой хруст, с холодным щелчком лопнуло стекло в дверце. Грузовик с изуродованным крылом выехал на обочину, но не снизил скорости, все так же продолжая мчаться рядом с боевой машиной.

– Ударь еще раз! Вали его, вали!

– Стой! Стой! – кричал Блинов, готовый вот-вот прыгнуть на подножку грузовика.

Тетка стоял на коленях, прижимаясь грудью к казеннику пулемета, и содрогался всем телом с каждой очередью. Вокруг солдата катались по броне гильзы, подпрыгивали пустые магазины. Кто-то, склонившись над сеткой выхлопной трубы, надрывно хрипел, кашлял и разбрызгивал во все стороны капли крови.

– Вали ев-в-в-о-о!!!

Грузовик вдруг обогнал боевую машину, виляя шатким кузовом, как старая кляча крупом, помчался под уклон дороги, занимая всю проезжую часть.

– Сам сгорит и дорогу закроет! – со злостью стучал кулаком по броне Блинов.

БМП металась из стороны в сторону, пытаясь обогнать грузовик, изорванная покрышка заднего колеса которого шлепала по асфальту как мухобойка, а изрешеченный пулями кузов жалобно трещал и скрипел.

– Смотри! – Я схватил Блинова за плечо, показывая рукой вперед.

Метрах в трехстах от нас дорога исчезала. Пламя гигантского пожара, как красная штора, закрыло всю проезжую часть. Глянцевитой смолой стекал на обочину расплавленный асфальт, пожирая сухую траву; она вспыхивала, как спички, брызгая во все стороны огнем.

– Дурила, ох дурила! – поморщившись как от боли, заревел Блинов и, прижав к горлу ларинги, приказал механику: – Останови этого мудака, как можешь останови!

Боевая машина в ту же секунду рванулась вперед, покачивая острым лодочным передком.

– Ноги! – предупредил кто-то.

Удар пришелся под самый кузов грузовика. БМП приподняла его задний мост, оторвала на мгновение колеса от земли, затем бросила, выворачивая с хрустом подвеску, протащила изуродованный грузовик еще несколько метров и остановилась.

– Все к машине! За броню!

Солдаты прыгали на обочину, падали, вжимаясь изо всех сил в песок. Тетка, не оборачиваясь, все так же стоял на коленях у пулемета, стрелял и что-то все время кричал. На забрызганную кровью броню горохом сыпались гильзы. Блинов толкнул меня, опрокидывая на землю у самых гусениц, и закричал:

– Прикройте! – и бросился, низко пригибаясь, к грузовику. С хрустом вылетели последние стекла кабины, запузырился кузов, отбрасывая от себя разноцветные щепки. «Почему я лежу? Надо что-то делать...» До боли вонзил я пальцы в сухой грунт, вырвал из него булыжник и в бессильной ярости швырнул в скалу.

– Автомат! Ну дайте же автомат!

Блинов нырнул в кабину грузовика, а я вскочил на ноги,

но не сделал и трех шагов, как опять рухнул в горячую пыль, чувствуя непреодолимое притяжение земли.

– Куда вы?! – тянул меня за рукав, насколько это можно было вежливо сделать, серый, безликий солдат, раскрывая по-рыбьи огромный рот. – На машину! Лезьте на бээмпэ!

– К черту! Осатанели? Помогите Блинову!

– На машину! На машину! – не слушая меня, шипел солдат.

Блинов вывалился вместе с афганцем из кабины, и они, не выпуская друг друга, будто борясь, покатались в кювет.

Меня сильно толкнули к броне, кто-то сверху схватил влажной рукой за запястье, и я почувствовал, как лопнул в чужих пальцах браслет моих часов. Ухватившись за край люка, я потянул свое тело наверх. БМП с места боднула грузовик в борт, поволокла его юзом к скалам, освобождая дорогу. Изуродованные колеса с торчащими в разные стороны ошметками резины медленно оторвались от земли, на какое-то мгновение замерли в воздухе, и грузовик, наконец, рухнул на бок, ломая под своей тяжестью остатки кузова.

Блинов тяжело бежал к БМП, размахивая руками, словно пробирался сквозь густой кустарник. У самой машины он вдруг остановился, не обращая внимания на руки, протянутые ему навстречу, и наклонился, будто хотел отряхнуть брюки от пыли.

– Руку! – грубо выкрикнул я, – давай руку!

Но Блинов не выпрямился, продолжал стоять, опершись

руками о колени, потом поднял голову и, глубоко дыша, сказал:

– Сейчас, погоди... Не ори...

– Руку!!!

Вдруг Тетка, оттолкнувшись ногой от жалюзи трансмиссии, прыгнул вниз, покатился по земле и на четвереньках подполз к Блинову.

Я похолодел.

Блинов опустил голову и сел на корточки. Точнее, он упал, но Тетка успел подхватить его под руки.

– Помоги-и-ите-е!!!

Двое солдат спрыгнули вниз, кто-то занял место у пулемета, и в грохоте очередей я уже не слышал, что говорили и кричали солдаты, поднимая на броню тяжелое, обмякшее тело своего командира. «Блинов! Блинов!» – звал я его, даже не зная имени, а он смотрел на меня, на солдат, на горы уже невидящими глазами, и мы мчались куда-то, и нестерпимой болью жгла мне руку его липкая, клейкая, горячая спина.

«Его убили? – думал я, чувствуя, что перестаю соображать, где нахожусь я куда еду. – Но почему? Что случилось? Из-за чего нас обстреляли?? За что???»

А вокруг, отвратительно чавкая, горел бензин, и текла нескончаемой рекой лента огня, кружились в бешеной пляске черные скалы, и рядом, прижимаясь лицом к коленям Блинова, плакал солдат Тетка, и никто его не жалел, не успокаивал...

Глава 3

Браслет от часов оставил розовый отпечаток на запястье. Я тер его пальцами, как чернильное пятно. Который час? Какая здесь разница с Москвой? В моем гвардейском, дважды орденосном полку сейчас, наверное, обеденный перерыв. В офицерской столовой, как всегда, народу битком, духотища, мои товарищи толпятся у раздаточной с подносами в руках. Кассирша Зина, как на печатной машинке, стучит по клавишам, выбивая чеки, а офицеры возмущаются, что сметана слишком жидкая, а в борще вместо мяса – разрезанная сосиска, В буфете нарасхват идет боржоми, запотевшие, из холодильника бутылки открывают шероховатый, как напильник, край алюминиевого прилавка, пьют здесь же, залпом, до слез. Говорят о предстоящей итоговой проверке, о вакантной должности начштаба, о новом приказе по форме одежды, о краске для пола в ленинской комнате... И никто не знает, что всего полчаса назад, в Афгане, в бою на Саланге убит наш человек – капитан Блинов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.